

© 2023

Сергей Капканщиков

доктор экономических наук, профессор,

заведующий кафедрой экономической теории

Ульяновского государственного университета (г. Ульяновск, Россия)

(e-mail: kapkansv@mail.ru)

ДЕТЕРМИНАНТЫ НЕУСТОЙЧИВОСТИ РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

На основе развернутого сравнительного анализа понятий «экономический рост» и «экономическое развитие» в статье приводятся аргументы в пользу тезиса о том, что с постдефолтного периода до сегодняшнего дня российская экономика демонстрирует не только неуклонно затухающие среднегодовые темпы расширения ВВП, но и так называемый «обедняющий рост», «рост без развития». Ведущим признаком невысокого качества роста признается многолетняя эволюция отечественной экономики в русле исторически тупиковой экспортно-сырьевой модели, которая через механизмы «голландской болезни» и регулярные перепады мировых цен на энергоносители движется в избыточно циклической форме, закономерно делая социально-экономическое развитие нашей страны неустойчивым. Значимыми детерминантами ее неустойчивого роста, тщательно скрываемого приводимыми в работе способами фальсификации макроэкономической статистики, также признаются: доминирование экстенсивных факторов над факторами интенсивными, связанными с повышением макроэкономической эффективности и достижением нормой накопления близких к оптимуму значений; социально конфликтный характер увеличения ВВП, сопровождаемого вразрез с мировой практикой сохранением избыточной подоходной и поимущественной дифференциации россиян даже при относительно благоприятной конъюнктуре; природоемкий и ресурсорасточительный характер динамики национального хозяйства.

Ключевые слова: обедняющий рост, устойчивость социально-экономического развития, экономический рост, экономическое развитие, экспортно-сырьевая модель, экстенсивный и интенсивный типы роста, социально конфликтный рост, экологически скорректированный рост, фальсификация темпов роста.

DOI: 10.31857/S020736760026052-6

В результате интенсификации гибридной войны коллективного Запада против России и запуска беспрецедентных антироссийских санкций экономика нашей страны (да и не только она одна, но и многих стран-санкционеров) стремительно оказалась в некоей «новой реальности». С особой остротой встал вопрос не только о способах восстановления восходящей динамики ВВП в условиях качественно иной архитектуры международных экономических отношений, но и о кардинальной смене самой ее модели, сложившейся в досанкционный период. В этой связи в очередной раз актуализировалась научная дискуссия о соотношении экономического роста и экономического развития. И хотя прошло уже более века с того момента, когда в 1911 г. в своей книге «Теория экономического развития» Й. Шумпетер, казалось бы, дал (в категориях «количество» — «качество») развернутый ответ на этот методологический вопрос,

реальность всех трех последних десятилетий эволюции российской экономики в рамках так называемого «роста без развития» заставляет науку вновь и вновь обращаться к его уточнению. Ставшее общепризнанным понимание несовершенств валового внутреннего продукта как измерителя объема производства укрепляет осознание того, что именно «экономическое развитие, включающее не только производственное, но и социальное измерение (можно добавить «сбалансированное»), должно быть целью экономической политики любого государства» [5. С. 27]. Устойчивое развитие, подчеркивают А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, — это «далеко не только рост ВВП или (что несколько лучше) индекса человеческого развития и иных синтетических показателей, а прежде всего качественная характеристика, отражающая меру прогрессивности той или иной общественной системы» [3. С. 12].

Понятно, что принципиальное отношение правительства к экономическому и социальному (а также экологическому) компонентам устойчивого развития в решающей степени предопределяется конкретным соотношением доминирующих в обществе теоретических концепций и реализующих их в структурах законодательной и исполнительной власти политических элит. В то время как изначально узкий подход неоклассиков характеризуется игнорированием социальных и экологических аспектов хозяйственной динамики, фактическим отождествлением терминов «устойчивый рост» и «устойчивое развитие» в угоду безудержной максимизации традиционного показателя ВВП, взгляд кейнсианской школы на перспективы восхождения человечества к вершинам хозяйственного процветания выглядит куда более обширным, ставящим социально-экологическую проблематику, как минимум, на одну доску с достижением сугубо прагматичных целей наращивания национального продукта. Заслугой же институционалистов является установление тесной связи устойчивого хозяйственного развития с целым комплексом многообразных этических норм, соблюдение которых может потребовать иногда даже остановки количественного экономического роста, однако при неуклонном улучшении его качества.

Как известно, немалый вклад в разработку теоретической доктрины устойчивого развития (Sustainable development) внес Римский клуб, который с момента своего создания в 1968 г. делал акцент на исследование глобальных проблем, прежде всего на оценку перспектив развития биосферы и выработку способов гармонизации взаимосвязей человечества и природы. В 1972 г. аналитиками этой международной общественной организации была подготовлена фундаментальная работа «Пределы роста», в которой обосновывалась острая необходимость смены одностороннего экономического роста на комплексное эколого-экономическое развитие [2. С. 254]. Еще более серьезная заслуга в развитии этой доктрины принадлежала Организации Объединенных Наций, выработавшей четкие

критерии устойчивости, среди которых выделяются: такой социально-экономический прогресс, который, удовлетворяя в максимально возможной степени жизненные потребности нынешнего поколения граждан страны, не подрывает принципиальной возможности и грядущих поколений реализовывать свои экономические интересы; неуклонное расширенное воспроизводство природно-ресурсного потенциала, не допускающее сокращения запасов производственных ресурсов, нанесения невосполнимого ущерба окружающей среде, подрыва экосистем в море и на суше, негативного изменения климата в ходе хозяйственной деятельности людей. Но следует подчеркнуть, что это далеко не единственные признаки устойчивого хозяйственного развития, в целевую функцию которого, состоящую ныне из 17 позиций, в рамках «Парижского соглашения об изменении климата» (2015 г.) включены также: ликвидация голода и нищеты, подходового и гендерного равенства, улучшение здоровья, повышение уровня образованности людей, обеспечение их качественной водой, дешевой и чистой энергией и многое другое. В рамках столь расширительной трактовки выведение тех или иных целевых установок в разряд приоритетных предполагается тесно увязывать с развертыванием цикличности в глобальной экономике с особым акцентом на длинные волны Кондратьева. Действительно, переход к новым технологическим укладам будет сопровождаться, например, радикальным сокращением, несмотря на рост населения Земли, объема потребляемого углеродного топлива с соответствующим уменьшением выбросов парниковых газов в атмосферу. Неслучайно мировым сообществом, крайне озабоченным вопросами экологической безопасности, поставлена задача достижения уже к 2050 г. так называемой «климатической нейтральности», т.е. установления динамического глобального баланса между объемом эмиссии диоксида углерода (CO_2), которую предполагается сокращать через развертывание «зеленой» энергетики, всемерное энергосбережение, с одной стороны, и масштабами естественного поглощения парниковых газов, прежде всего через расширение лесных массивов — с другой. Кроме того, Генеральная Ассамблея ООН в 2015 г. приняла резолюцию «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в которой была поставлена амбициозная цель перехода от прежней устаревшей модели функционирования сырьевой экономики по принципу «добыть, использовать, выбросить» к кардинально иной модели замкнутого цикла, в рамках которой предполагается направление многих активно перерабатываемых энергоемких продуктов на повторное потребление, что во многом гарантирует устойчивое развитие национальных хозяйств.

К настоящему времени достоянием науки стало представление о том, что если в рамках весьма ограниченной теории экономического роста человека можно рассматривать всего лишь в качестве некоего фактора производства, всемерно минимизируя долю трудовых издержек в структуре себестоимости продукции, то в русле куда более содержательной парадигмы экономического развития активное формирование высокоразвитого человеческого потенциала

превращается в некую самоцель социально-экономического прогресса. Если экономический рост вполне может протекать без заметного развития, регулярно порождая к тому же негативные побочные социально-экономические эффекты, то хозяйственное развитие обычно включает в себя те или иные положительные темпы роста ВВП, причем преимущественно интенсивного типа — хотя бы и с определенным лагом, порой совершенно необходимым для трансформации регулярно появляющихся инноваций, в стабильное приращение национального продукта. Впрочем, в интересах обеспечения поступательного экономического развития не исключена даже временная остановка роста, особенно если народнохозяйственный организм остро нуждается в структурной перестройке, разумной диверсификации производства в ходе становления передовых технологических укладов. Некоторая пауза в расширении масштабов неуклонно развивающейся национальной экономики вполне допустима и потому что развитие — это долгосрочный, а потому протекающий в отчетливо циклической форме процесс, который по понятным причинам включает и регулярно наступающие закономерные рецессии. Но поскольку конечной целью хозяйственного развития выступает вовсе не слепое наращивание продукции, а кардинальное улучшение качества жизни населения, постольку кризисное сокращение объема выпуска не следует воспринимать в сугубо трагедийном контексте. Ведь кризис как очередной поворотный пункт в развитии экономической системы наряду с разрушительными заключает в себе также немалые созидательные начала, связанные с запуском новых компонентов основного капитала, ресурсосберегающих технологий, подъемом производительности труда, которые призваны выводить общественное благосостояние на существенно более высокий уровень. Если использование в основном количественного понятия «экономический рост» не требует в явной форме четкого определения вектора разворачиваемого хозяйственного процесса, то задействование заведомо качественной категории «экономическое развитие» предполагает неустанный поиск самого целевого ориентира трансформации общества, проведение неустанного сравнительного анализа достигнутых и желаемых контуров социально-экономического устройства страны, критический разбор используемого при его формировании инструментария государственной политики, а также сценарное прогнозирование предстоящих в обществе перемен с выявлением наилучшего в каждой конкретной ситуации сценария.

Между тем, в нашем понимании, предшествующее рецессии 2022 г. качество наращивания российского ВВП с самого начала XXI в. принципиально не соответствовало ключевым методологическим принципам устойчивого экономического развития, и даже его периодически формально восходящая динамика получила в литературе образное обозначение «обедняющий рост», и даже «рост нищеты». Столь неллицеприятные характеристики ущербного роста предопределены тем обстоятельством, что он оказался во многом сырьевым, импортозависимым,

преимущественно экстенсивным, социально конфликтным, природоемким и ресурсорасточительным, и как результат, неустойчивым, тормозящим истинный социально-экономический прогресс. Причем, начиная с 2008 г., не только качественные, но даже количественные характеристики национального продукта явно не впечатляли. За последние 15 лет его отчетливо скромная динамика была чрезвычайно близкой к «околонулевой», т.е., по сути, не выходила за рамки статистической погрешности. По оценке В. К. Фалыцмана, «экономика России оказалась в зоне малых приращений, когда прогнозы оказываются в интервале ошибки измерения» [24. С. 10]. Как следствие, ее доля во всемирном ВВП по ППС сократилась с 3,95% в 2008 г. до 3,11% в 2022 г., в то время как удельный вес КНР достиг 18,33%, США — 15,83%, Индии — 6,80%, Японии — 4,03%, Германии — 3,44%. Как результат, лишь для ликвидации накопившегося отставания от мировой экономики, возникшего в 2008–2018 гг., России, по расчетам А.А. Широга, требовался среднегодовой рост около 5% ВВП в течение 10 предстоящих лет [28. С. 38]. Однако в уже завершившийся после этого период 2019–2022 гг. ничего подобного (за исключением 2021 г.) не наблюдалось. Более того, отечественной экономике пришлось пройти через разрушительные коронакризис 2020 г. и военный кризис 2022 г., которые сделали реальный ВВП нашей страны заметно меньше. Причем, мало того что затяжная стагнация тянется уже немало лет. Главное состоит в том, что по сей день не создано реальных предпосылок для ее преодоления. Во всяком случае, зримых признаков нарастания конкуренции между различными направлениями экономической теории и макроэкономической политики в нашей стране не наблюдалось, а отчетливый догматизм власть предержащих до последнего времени продолжал блокировать появление альтернативных взглядов на принятый ими весьма несовершенный алгоритм искоренения сложившихся «прозябательных» трендов.

Что же касается существенно более значимых качественных характеристик развития российской экономики, то надо признать, что даже в годы первого десятилетия XXI в. (не говоря уже о завершившемся втором десятилетии и уже находящемся в самом разгаре третьем) здесь обозначились серьезнейшие проблемы как внутреннего характера, связанные со стратегическими дефектами государственного регулирования национальной экономики, так и внешнего, обусловленного интенсификацией санкционного противостояния России с более чем четырьмя десятками откровенно недружественных стран коллективного Запада. Между тем в сложившихся к 2023 г. весьма своеобразных условиях качество предстоящего расширения российского ВВП выглядит намного важнее его количества, и именно его развернутые критерии должны доминировать при постановке стратегических задач государственной экономической политики. Качественный же рост по определению должен быть устойчивым. По представлениям Г. Куранова, «качество роста отражает способность экономики к устойчивому экономическому развитию — развитию с высоким

иммунитетом к колебаниям внешнеэкономической конъюнктуры, базирующемся на повышающейся совокупной факторной производительности, восприятии мировых тенденций технологического развития, гибком реагировании на внешние и внутренние импульсы, соблюдении экологических стандартов и бережном отношении к экосистемам» [17. С. 30]. Однако приходится констатировать, что в самом механизме функционирования российской экономики представлен целый ряд детерминантов, делающих рост национального продукта не вполне качественным, а значит, неустойчивым.

Главным из взаимосвязанной совокупности подобных факторов мы признаем многолетнее функционирование отечественной экономики в рамках исторически тупиковой экспортно-сырьевой модели. Не секрет, что гарантии устойчивости расширения ВВП создаются стремлением властей, настойчиво реализующих стратегию структурной диверсификации национального хозяйства, в максимальной степени приблизиться к оптимальным соотношениям между материальным производством и сферой услуг, промышленностью и сельским хозяйством, секторами, выпускающими продукцию промежуточного и конечного спроса, товары с незначительной и высокой долей добавленной стоимости, особенно высокотехнологичные, и т.п. Между тем с начала XXI в. в России сформировалась нездоровая модель не структурно-сбалансированного, а преимущественно сырьевого экономического роста, которая опиралась на крайне неконструктивную его теорию и не учитывала негативного опыта стран, ранее столкнувшихся в своей хозяйственной динамике со зловещими симптомами «голландской болезни». Если же перемены в структуре воспроизводства в этот период и происходили, то назвать их прогрессивными было крайне сложно. Ключевым дефектом подобного роста с антиразвитием («развития неразвитости», в трактовке немецкого ученого А. Франка) выступала эволюция в русле модели сырьевой колонии, в рамках которой восходящая динамика ВВП достигалась «за счет упрощения производственной структуры экономики» [28. С. 39]. Рост российской экономики, связанный с использованием преимуществ нефтяного бума в обстановке относительной политической стабильности, в основе своей являлся сырьевым. Сопровождаемую же столь ущербный сырьевой (а не инновационный) рост всемерную сервисизацию отечественного хозяйства, в рамках которой на месте заводов и фабрик активно вырастали торгово-офисные помещения, вряд ли можно было расценивать как его прогрессивное движение к постиндустриализму: куда более резонной была бы ее характеристика как яркого проявления деиндустриализации, являющейся антиподом устойчивости. Как результат проявления «ресурсного проклятия» уровень жизни в нашей стране начал демонстрировать отчетливую стагнацию, а миллионы россиян надолго зависли в «ловушке среднего дохода», отчетливо превратившись в рантье, которые в решающей степени обеспечивают свое кратковременное благосостояние за счет выгодного размена невозобновляемых

природных ресурсов на заграничные потребительские товары и услуги. Запретельно высоким вплоть до драматических событий 2022 г. выглядел и удельный вес импортных инвестиционных благ. Так, по расчетам П.Ю. Королева, в 2013 г. превышение внешних поставок металлорежущих станков над собственным производством составило 291, 4 раза [12. С. 70], что, конечно же, выступало ярким проявлением избыточной импортозависимости и явно не соответствовало принципиальным устоям концепции устойчивого экономического развития. Намеренно приучив население нашей страны к возможности приобретения большинства товаров (даже тех из них, которые вполне способны с высокой рентабельностью создаваться на нашей территории) за границей, власти государств центра мировой экономики в определенный момент резко поменяли «правила игры» и сегодня всерьез ставят вопрос о полном эмбарго на поставки в Россию всех видов продукции, кроме лекарств и продовольствия. И это в условиях, когда запоздалый курс на реальное импортозамещение еще весьма далек от тех результатов, которые способны гарантировать устойчивость развития национального хозяйства.

Не секрет, что стабильность экономического роста гарантируется невысокой волатильностью его макроэкономических индикаторов в долгосрочном периоде, даже с учетом неизбежной цикличности общехозяйственной динамики. А между тем эволюция ресурсозависимой экспортно-сырьевой модели роста российской экономики является как раз избыточно циклической, коль скоро сопровождающий ее конъюнктурный подъем добывающих отраслей и тесно связанной с ними сферы услуг обычно продолжается лишь до момента неизбежного обвала глобальных цен на ведущие компоненты отечественного сырьевого сектора, стоимостной объем продукции которого после этого столь же закономерно сдувается. Последнее ощущается еще более сильно, в случае если сырьевые экспортеры до этого активно кредитовались в иностранной валюте, курс которой (а значит, и тяжесть накопившейся внешней задолженности) после девальвации рубля начинает стремительно нарастать.

Устойчивость социально-экономического развития может быть достигнута лишь в тех странах, чей совокупный производственный потенциал (как совокупность капитала природного, человеческого и физического) наглядно демонстрирует не нисходящую, а, напротив, отчетливо восходящую динамику. Однако в полной мере соответствовать подобному критерию с каждым годом становится все сложнее. Известно, что за предшествовавшие XX в. 4900 лет человечество использовало в 20 раз меньше невозобновляемых ресурсов, чем за одно только это индустриальное столетие. Продление же такой тенденции в XXI в. способно привести к практически полному исчерпанию многих минеральных богатств, включая нефтяные месторождения. Конечно, при этом будет расширяться сфера использования альтернативных видов энергии — ветряной, солнечной, геотермальной, атомной, а в перспективе термоядерной, гелиевой

и т.п. Однако даже долгосрочный прогноз Международного энергетического агентства опирается на безусловное доминирование в структуре энергобаланса большинства стран традиционных источников — нефти, газа и угля. Поэтому, в том случае если природные ресурсы страны убывают (что сегодня отчетливо наблюдается, например, в Норвегии или Азербайджане), а численность ее населения сокращается, то еще более стремительно обязан в ней протекать процесс накопления ресурсов для будущего в виде инноваций, знаний, здоровья людей, зданий, сооружений, современных машин и оборудования. Ни при каких условиях не может называться экономическим развитием ситуация, при которой ВВП растет при истощении совокупного национального богатства. Между тем только за досанкционный период 2000—2014 гг. добыча нефти составила в России 6,9 млрд т., что при среднем коэффициенте извлечения ее из недр в 0,4 означало использование запасов в 17,3 млрд т. Поскольку в 2014 г. оставшиеся запасы нефти оценивались всего в 15 млрд т., постольку, по расчетам В.К. Фальцмана, получается, что за относительное хозяйственное благополучие рассматриваемых полутора десятилетий нашей стране пришлось заплатить более чем половиной залежей «черного золота», что свидетельствует о запредельной ресурсорасточительности сложившейся в ней разновидности роста. Характерно, что, например, даже в довольно благоприятный предкризисный 2012 г. объем ввода основных фондов в нашей стране, составивших 10,3 трлн руб., и расходов на формирование человеческого капитала, складывающихся из затрат на образование (2,6 трлн руб.), здравоохранение (2,0 трлн руб.), исследования и разработки (0,7 трлн руб.), оказалась на 3,3 трлн руб. меньше стоимости добытых нефти и газа (11,9 трлн руб. и 7,0 трлн руб. соответственно), что свидетельствует о сокращении совокупного богатства России, а вовсе не о расширении ее экономики [24. С. 16]. Иначе говоря, «сокращение запасов ископаемого топлива лишь частично (примерно на 2/3) компенсировалось приростом человеческого капитала и активной части основного капитала» [25. С. 153]. Думается, что в дальнейший период 2015—2022 гг. трансформация невозобновляемых природных ресурсов в физический и человеческий капитал россиян оказалась еще дальше от 100%-ной отметки, сигнализируя о нарастающих угрозах перевода экономического роста в отчетливо неустойчивый режим и неминуемом подрыве интересов будущих поколений.

Не менее значимым признаком устойчивого хозяйственного прогресса является доминирование фактора эффективности использования уже имеющихся ресурсов над фактором вовлечения в производственный процесс ресурсов дополнительных, т.е. интенсивного роста над ростом экстенсивным. Однако неуклонно затухающее хозяйственное оживление в России образца первых десятилетий XXI в., обеспеченное наполовину поступлением нефтегазовых сверхдоходов от экспорта, а наполовину — экономией на инвестициях в прирост национального богатства, не сопровождалось сколько-нибудь заметным

приростом макроэкономической эффективности. Все менее быстрое наращивание ВВП обеспечивалось преимущественно расширением внутреннего спроса как за счет трансформации нефтегазодолларов в повышение текущих доходов населения, так и путем форсированного расширения кредитования покупок. Источники подобного роста являлись довольно дешевыми, не требовавшими больших затрат, сколько-нибудь масштабных реальных вложений. Но подобный преимущественно экстенсивный рост изначально оказывается краткосрочным, куда менее устойчивым (например, из-за неминуемого наступления момента излишней закредитованности населения), сравнительно с ростом за счет интенсификации, который обеспечивать гораздо сложнее. Общеизвестно, что именно увеличение народнохозяйственной эффективности привело к тому, что если в 1451–1800 гг. мировая экономика выросла всего в 2 раза, в 1801–1900 гг. в 2,26 раза, а в 1901–2000 гг. сразу в 55, 33 раза [13. С. 90]. Между тем во многом из-за явно невысокого уровня производительности своего труда как слагаемого эффективности российский работник в среднем трудится в течение года 1985 часов [22. С. 74]. В 2017 г. Россия, несмотря на многочисленные выходные и длительные отпуска, с 1980 часами в год входила в пятерку самых работающих стран, уступая только Мексике (2257 часов), Коста-Рике (2179 часов), Южной Корее (2024 часов) и Греции (2018 часов). Хотя Соединенные Штаты по старинке все еще считаются нацией трудолюбов, их трудовая норма – всего 1789 часов. И если, например, в Германии с 2001 г. количество годовых рабочих часов в результате действия интенсивных факторов роста сократилось с 1452 до 1371, то в нашей стране оно осталось, по сути, неизменным. В отличие от правительства СССР, которое всерьез ставило задачу последовательного (по мере роста народнохозяйственной эффективности) сокращения продолжительности рабочего дня и расценивало расширение свободного времени как условие профессионального и культурного развития людей, власти современной России фактически открыто поддерживают главу Сбербанка Г. Грефа, который призывает молодежь трудиться по 18 часов в сутки, предпочитая не замечать, что в нынешних технологических условиях это преимущественно низкоквалифицированный труд, к формированию человеческого капитала прямого отношения не имеющий.

Стагнация эффективности российской экономики совсем неудивительна в обстановке хронического отставания отечественной нормы накопления от порогового значения инвестиционной безопасности страны (25% ВВП). Дореформенный (1990 г.) реальный объем инвестиций в основной капитал не был достигнут даже в наиболее благоприятном втором восьмилетнем цикле воспроизводства активной части основных производственных фондов (цикле Жуглара) 2000–2007 гг., не говоря уже о первом пореформенном цикле 1992–1999 гг. (да и последующих третьем 2008–2015 гг. и скорее всего в четвертом 2016–2023 гг. циклах). Даже в пищевой промышленности, являющейся

признанным лидером среди промышленных предприятий в плане модернизации производства, причем в лучшем втором цикле 2000–2007 гг., по расчетам В. Дасковского и В. Киселева, накопленная всеми предприятиями этой отрасли амортизация составила всего 6791 тыс. руб. при потребности в средствах на абсолютно назревшую замену физически морально изношенных основных фондов в объеме 12887 тыс. руб. [10. С. 6]. Что же говорить о других отраслях народного хозяйства, в которых угроза техногенных катастроф из-за деградации материальной базы выглядит намного более ощутимой, и иных, куда менее успешных периодах нашей новейшей хозяйственной истории! В результате радикального дезинвестирования созданные еще в советской экономике резервы физического капитала становятся все более исчерпанными, и при сохранении низкой инвестиционной квоты в обстановке развернувшейся с конца 2014 г. девятилетней автономной хозяйственной рецессии назревший переход от преимущественно экстенсивного типа экономического роста к росту интенсивному постоянно откладывается во времени. Во всяком случае, президентская программа 2012 г. создания 25 млн модернизированных рабочих мест по сей день далека от своей реализации.

Поистине устойчивый рост заведомо не может быть социально конфликтным, сопровождающимся воспроизводством абсолютной и относительной бедности, избыточной доходной и поимущественной дифференциации людей, радикальным подрывом равенства их возможностей. В ходе такого «роста с развитием» позитивные результаты восходящей динамики национального продукта последовательно распространяются не на какие-то конкретные социальные группы, предприятия, отрасли, регионы, а в той или иной степени на все из них, кардинальным образом не ущемляя интересов подавляющего большинства субъектов экономической системы. Для выявления негативных социальных последствий роста ВВП на Давосском Всемирном экономическом форуме в 2017 г. был представлен качественно новый индикатор — индекс инклюзивного развития. Он предназначен для полного включения в общую картину хозяйственного роста столь значимых его характеристик, какими выступают уровень бедности, степень расслоения граждан и населенных пунктов. Иначе говоря, этот весьма перспективный показатель может быть плодотворно использован в интересах оценки степени усвоения выгод от наращивания ВВП широкими слоями населения. Ведь не секрет, что этот традиционный показатель «характеризует лишь производственный аспект роста, но не дает четкого понимания характера распределения благ и услуг» [14. С. 85]. Мировыми лидерами такого инклюзивного роста, создающего условия для улучшения качества жизни людей, равенства возможностей для всех социальных групп, в 2017 г. были признаны Норвегия, Исландия, Люксембург, Швейцария, Дания, Швеция, Нидерланды, Ирландия, Австралия, Австрия, многие из которых развиваются в рамках североευропейской модели социально ориентированной рыночной

экономики. Россия же в тот момент занимала всего лишь 19 место среди развивающихся стран, что свидетельствовало о наличии в нашей стране серьезнейших проблем в плане справедливости распределения доходов и имущества. Действительно, затухающий рост российской экономики в разрез с мировой практикой имеет отчетливо социально-ущербный характер, поскольку он протекает на фоне, как минимум, не снижающегося (а при достоверном подсчете — даже нарастающего) подоходного и поимущественного неравенства, когда подавляющую часть позитивного эффекта от него перетягивают на себя наиболее состоятельные хозяйственные субъекты [11]. В этих условиях выглядит вполне закономерным тот факт, что после достижения уровня абсолютной бедности россиян минимальной отметки в 15,4 млн человек в 2012 г. (10,7% населения) к 2019 г. она вновь поднялась до 19,0 млн человек (12,3% населения) и сохраняется по сей день на близкой отметке, что объясняется прежде всего «продолжительной стагнацией экономики на фоне западных санкций» [15. С. 59].

Как отмечалось выше, старт формирования концепции устойчивого экономического развития был взят от увязки роста национального продукта с его отрицательными последствиями для окружающей природной среды. Актуальность экологической проблематики обозначилась еще в 1970-х годах из-за стремительного нарастания по экспоненте численности населения, объема производства, потребления, связанных с ними отходов, в обстановке все более четкого осознания ресурсной ограниченности Земли. В погоне за убежавшими далеко вперед западными странами с их внешне крайне привлекательными стандартами потребления многие другие государства выработали стратегию догоняющего роста, реализация которой в условиях накопившегося у них отставания в области технологий и эффективности не могла не выразиться в резком повышении нагрузки на природу и целом ряде экологических катастроф, связанных прежде всего с сокращением площади лесов и, напротив, расширением пустынь, ускорением таяния ледников в результате потепления климата, выходом эмиссии парниковых газов далеко за рамки пороговых значений экологической безопасности, учащением землетрясений в связи с форсированной добычей полезных ископаемых, стремительным оскудением флоры и фауны. Развиваясь в XXI в. после глубочайшего трансформационного спада в рамках этой далеко не безупречной концепции, российская экономика тоже не осталась в стороне от столь негативного глобального тренда. Конечно, разнообразные апологеты топливно-энергетического и химико-металлургического комплексов всегда были склонны к недооценке актуальности экологической повестки. Однако при детальной оценке достоинств и недостатков ускоренной хозяйственной динамики этих ключевых секторов национального хозяйства трудно не замечать, что одним из наиболее крупных детерминантов неустойчивости роста российского ВВП выступает зачастую его экологически безответственный, отчетливо природоёмкий характер. Действительно, количественное

расширение отечественной экономики во многом достигалось за счет заведомо несбалансированной эксплуатации природного капитала, инвестиционной экономии на его возобновлении. Сознательный отказ от проведения целого ряда насущных природоохранных мероприятий приводил к тому, что последний воссоздавался далеко не на расширенной основе: сплошь и рядом наблюдалось даже не простое, а суженное его воспроизводство. Между тем нарастающие экологические риски зачастую оказываются ничуть не менее тревожными, чем геополитические конфликты, в которые волею судеб оказалась ныне втянута наша страна. И если упорно не учитывать их, то россияне будут вынуждены во вполне обозримом будущем осуществлять колоссальные расходы на восстановление природно-ресурсного потенциала, обеспечение зыбкого экологического равновесия, в частности на недопущение появления темного снега вблизи крупных городов, ликвидацию протяженных свалок твердых бытовых отходов, нейтрализацию недопустимо загрязненных атмосферного воздуха и водной среды в результате масштабной экологической деградации.

Известно, что технология добычи сланцевого газа, сопряженная с проведением серии гидроразрывов пласта, резко усилила риск землетрясений, которые наблюдались в 2014 г. в одном только американском штате Оклахома 240 раз. При задействовании такого способа извлечения энергоносителей из недр резко ухудшается качество питьевой воды, что негативно сказывается на развитии земледелия и животноводства, а также на продолжительности жизни населения. Неслучайно власти Германии, Швеции и целого ряда других стран наложили административный запрет на использование подобных технологий. Форсированный экспорт природного газа из России в европейские страны позволил им в предсанкционный период резко сократить потребление угля и нефтепродуктов и тем самым резко снизить выбросы в атмосферу вредных веществ. Понятно, что платой за это явилось более быстрое истощение ресурсного потенциала нашей страны наряду с повышенным загрязнением ее территории за счет использования менее экологически чистых видов топлива (например, угля или мазута). Поэтому во избежание неполного учета конечных результатов функционирования российской экономики остро требуется скорейшее внедрение в статистику показателя экологически скорректированного «зеленого» ВВП», при исчислении которого из традиционного макроэкономического агрегата необходимо вычитать сокращение запасов природных ресурсов, расходы на охрану окружающей природной среды и оценку ущерба ей вследствие экономической деятельности [4. С. 51]. В противном случае, вне учета эмиссии загрязняющих веществ, а также доли возвращаемых в хозяйственный оборот отходов, даже в обозримом будущем в России вполне может наблюдаться полуфиктивный «рост без развития» и чрезвычайно актуальная задача гармонизации промышленной и экологической политики [18. С. 132] вряд ли окажется когда-либо решенной.

Неустойчивость развития российской экономики в 2020 г. оказалась серьезно усиленной эпидемией коронавируса, которая еще до начала специальной военной операции на Украине и запуска «ядерных» западных санкций повлекла за собой масштабный разрыв транспортно-логистических цепочек и, как результат, негативный шок предложения в комбинации с шоковым сокращением потребительского и инвестиционного спроса вследствие падения реальных доходов домохозяйств и фирм. Начиная же с 2022 г. ключевым детерминантом неустойчивости явилось резкое обострение геополитических проблем, прежде всего вследствие принятия Западом против России свыше десятка крупных и синхронизированных между собой санкционных пакетов. Хотя возникший из-за этого макроэкономический шок опять-таки можно расценивать и в качестве новой возможности обретения нашей страной, например, ее долгожданного технологического суверенитета, однако в краткосрочном периоде трудно не замечать усиления новых рисков ее поступательного хозяйственного развития. Поэтому достижение биологически и геополитически безопасного роста означает минимизацию влияния всевозможных внешних шоков на функционирование отечественной экономики. Решительное противодействие им инструментами государственного регулирования призвано гарантированно исключать возрождение проблем продовольственной безопасности, бедности, запредельного подоходного неравенства и обеспечивать реализацию интересов не весьма ограниченной части общества, а в той или иной степени всех представленных в нем социальных групп.

Нельзя не отметить, что хроническая неустойчивость динамики экономики России успешно оттеняется статистическим ведомством даже в случае использования им далеко не идеальных традиционных макроэкономических индикаторов. Такова печальная национальная традиция, сформировавшаяся с конца 1920-х годов, исходя из пропагандистских соображений, т.е. стремления представить экономический образ нашей страны в розовом цвете. «Росстат, — подчеркивает Г.И. Ханин, — к сожалению, унаследовал многие худшие пороки советской статистики, лукавая цифра жива» [26. С. 25]. Действительно, многие российские статистические данные о темпах роста реального ВВП, результатах реализации национальных проектов, уровне заболеваемости коронавирусом, степени адаптации национального хозяйства к санкционным шокам требуемой достоверностью явно не отличаются. И хотя сегодня разоблачение сознательных искажений в статистике уже не столь опасно для самих аналитиков, как это было прежде, подобные занятия, требующие профессионализма и соответствующих нравственных качеств, выходят из моды. Как результат, в соответствии со сложившимся стандартом поведения в бюрократической системе целый ряд губернаторов стремятся преувеличивать хозяйственные успехи вверенных им регионов, многие статданные ими, как говорится, «берутся с потолка», из-за

чего формируется некая культура профанации, которая затем обычно воспринимается в качестве вполне достоверных данных. Так что состояние и тенденции развития российской экономики и сегодня зачастую преподносятся в яркой пропагандистской упаковке, осуществляется неустанный отбор наиболее выгодной для правящей элиты информации. Известно, что Росстат, все более становящийся монополистом в статистическом деле, в недавнем прошлом стал организационно подчиненным своему «родительскому ведомству» — Министерству экономического развития, что сделало его оценки и прогнозы еще менее заслуживающими доверия и усилило и ранее существовавший контраст между довольно оптимистичными официальными данными и куда более пессимистичным реальным жизнеощущением россиян. В результате, как отмечает А.А. Широв, «статус Росстата в структуре федеральных органов власти стал достаточно низким, т.е. содержащим риски поражений в ходе различных административных противостояний» [29. С. 5]. Например, трудно объяснить рост реальной заработной платы параллельно с признаваемым сокращением реальных доходов населения, которые из этой заработной платы в решающей степени и складываются. Не менее сложно сочетать оценки статистического ведомства о росте инвестиций в национальную экономику в условиях фиксируемого им же падения прибыли отечественных предприятий [30. С. 108]. А поскольку Минэкономразвития отвечало в разное время то за удвоение ВВП, то за расширение отечественного хозяйства прорывными темпами, опережающими динамику мировой экономики, постольку у его руководителей в условиях отсутствия реальной состязательности статистических центров неизбежно возникает соблазн фиксации ускоренного роста национального продукта и других макроэкономических показателей.

Заметная фальсификация динамики ВВП связана вовсе не с тем, что ночное освещение российских улиц, якобы, заметно хуже, чем официальное состояние национальной экономики (как полагают в Национальном бюро экономических исследований США). Она достигается прежде всего по следующим двум направлениям. Во-первых, преувеличивается прирост чистого экспорта (как наиболее быстро возматовавшего компонента российского ВВП) за счет оценки масштабов экспортной выручки за поставляемые газ, нефть и прочее сырье в долларах, заметно обесценившихся с Великой рецессии 2008–2009 гг. на мировых рынках. Но эти внешние нефтедоллары, получаемые отечественными экспортерами за выводимые на мировой рынок товары, далеко не те доллары, которые функционируют (преимущественно в безналичной форме) внутри экономики США и надежно поддерживаются товарной массой, производимой внутри этой страны и поставляемой сюда по импорту. И покупательная сила первых оказывается на порядок ниже вторых. Так, по оценке С. Губанова, если внутренний доллар, циркулирующий в обороте на территории США, обесценился за 2000–2010 гг. на 25–30%, то обесценивание нефтедоллара на мировых

рынках оказалось 5-кратным, т.е. почти в 20 раз более стремительным [7. С. 8]. При подобной методике подсчета получается, что чем более быстрыми темпами происходило ослабление внешней американской валюты в результате эмиссии, тем быстрее расширялась экономика России. В 2000–2008 гг. на 1% прироста ВВП приходилось 0,9% прироста цен сырьевого экспорта, т.е. на 90% экономический рост обусловлен инфляцией нефтедолларов [8. С. 5]. Утверждая о впечатляющих темпах роста российской экономики в этот период, А. Кудрин и Е. Гурвич приводили данные о росте ВВП в долларовом выражении в 8,5 раз [16. С. 7]. Между тем, по оценке С. Губанова, если учесть инфляцию нефтедоллара, неограниченно выпускаемого ФРС США не для внутреннего потребления, а как бы «навывнос», на экспорт, для остального мира, то реальная покупательная способность россиян возросла в эти «тучные годы» лишь в 1,5 раза [9. С. 31].

Подобный во многом фиктивный, бестоварный рост протекал до глобального кризиса, но точно такая же ситуация воспроизводилась и после него. Российские власти вплоть до сегодняшнего дня по-прежнему стремятся к достижению впечатляющих «бумажных» показателей расширения ВВП. Форсированный выпуск долларов стремительно трансформировался в очередной скачок цен на нефть и газ, затем резко дорожали черные и цветные металлы, минеральные удобрения и другие, интенсивно вывозимые за пределы России ресурсы. Но разве можно отождествлять такое сугубо инфляционное улучшение номинальных показателей внешнеторговой деятельности с подлинным экономическим ростом? В этих условиях долларовая оценка темпов увеличения чистого экспорта (и всего ВВП, чьим неотъемлемым компонентом он выступает) серьезно затушевывает истинную ситуацию в нашей стране, особенно если учитывать движение базисного компонента ВВП – товарного. «В долларовом выражении объем ВВП России увеличился за 2002–2012 гг. почти в 5,5 раза, между тем как суммарное приращение составило 43,4% по БНХ и 57% по СНС» [6. С. 8]. Как отмечает К.К. Фальцман, инфляционное измерение экономического роста вполне может превратиться в профанацию [24. С. 10]. «Дутый экспортно-сырьевой рост, раздуваемый инфляцией нефтедоллара» [1. С. 88] во многом протекал и в довоенном 2021 г., а вот все более решительный отказ в дальнейшем от долларов и евро в международных расчетах и неуклонное расширение расчетов в национальных валютах (с акцентом на китайский юань) способно в значительной мере нейтрализовать данный статистический дефект.

Во-вторых, рисуется излишне благоприятная (а сегодня не вполне драматичная) картина масштабов расширения производства на предприятиях внутренне ориентированного уклада, основанная на недостоверности статистических данных относительно темпов внутренней инфляции. Например, при расчете индекса цен в современной России явно недостаточно учитывалась их динамика на рынке недвижимости, которая до самого последнего времени была

все мыслимые и немыслимые рекорды (особенно в Москве). Такая, по терминологии В. Дасковского и В. Киселева, «назначаемая инфляция» [11. С. 21] связана, в частности, с использованием статистическим ведомством индекса потребительских цен (ИПЦ) взамен гораздо более достоверного индикатора ценовой динамики — дефлятора ВВП. Поскольку в условиях регулярно наблюдаемого в России укрепления реального курса рубля многие импортные товары (в том числе входящие в потребительскую корзину) заметно дешевеют, постольку некорректный расчет инфляции на основе ИПЦ, а не традиционно повышающегося опережающими темпами дефлятора ВВП, заметно преуменьшает ее истинные темпы. Конечно, при этом нельзя не учитывать и факторов, повышающих оценку экономического роста, к числу которых необходимо прежде всего отнести заметное улучшение качества многих выпускаемых на территории России товаров и услуг. Не получая адекватного отражения в стоимостных показателях производимого ВВП, данный факт, однако, благоприятно оценивается отечественными потребителями. Однако это обстоятельство лишь сокращает размер переоценки реальной хозяйственной динамики. Например, по расчетам Г.И. Ханина и Д.А. Фомина, во многом из-за недостоверной оценки реальной (а не просто желаемой властями) инфляции российский ВВП увеличился за 1998–2007 гг. вовсе не на 82%, а лишь на 48% [27. С. 17]. Большинство независимых оценок прироста российского ВВП в 2001–2010 гг. не выводят его за рамки 60%. Ожидавшегося удвоения национального продукта не случилось даже в докризисном 2019 г. (прирост составил 85%), не говоря уже о чрезвычайно драматичных 2020 и 2022 г. Из всех постсоветских государств худшие показатели прироста в XXI в. продемонстрировала только Украина, в то время как, по данным Всемирного банка, в остальных экс-советских странах он варьировался от 94% в Латвии до 341% в Азербайджане. И тот факт, что только в 2016 г. производство электроэнергии смогло превзойти докризисный уровень 1990 г. (1091 и 1082 млрд кВт·ч соответственно) [23. С. 9] свидетельствует в пользу длительного, 27-летнего периода трансформационного спада вкупе с восстановительным ростом в нашей стране. Статистический факт, что в 2018 г. при колебаниях потребительской инфляции вокруг целевого ориентира в 4% индекс цен производителей стал беспрецедентно высоким за предшествующее десятилетие и составил 11,7%, «может свидетельствовать о рисках инфляционного скачка в будущем» [20. С. 11], что и наблюдалось, например, в 2022 г.

Но даже при столь явных дефектах правительственной арифметики, устранимых либо через выведение Росстата из административного подчинения Минэкономразвития, либо посредством присвоения ему независимого статуса, подобно тому, каким обладает Банк России, даже полуфиктивный «рост без развития» оказался в третьем десятилетии XXI в. вовсе не безальтернативным. Своеобразие сложившейся ситуации заключается в том, что подавляющее

большинство факторов, предопределивших предшествующую динамику ВВП, стали одновременно и мощными ограничителями дальнейшего роста отечественной экономики. Временно ускоряя отечественную экономику, они со временем превращались в некие ловушки развития, под которыми С. Малков и А. Максимов понимают те «состояния, в которые попадают страны, объективно имеющие потенциал роста, но не реализующие своих возможностей из-за неявных внешних или внутренних сдерживающих факторов» [19. С. 22–23]. Даже анализируя всего лишь статистические данные о динамике отечественной экономики, трудно не заметить, что в ней сформировался многозвенный механизм торможения восходящей хозяйственной динамики, воплощенный в уже ставшей достоянием науки категории «автономная рецессия». И всесторонний анализ глубинных причин, объясняющих нынешнее состояние экономики России, выявление «наиболее значимых реальных ограничений экономического роста, которые могут его блокировать по принципу узкого «бутылочного горлышка»» [21. С. 17], являются неперенными условиями нахождения оптимального варианта ее предстоящего устойчивого развития. Если у экономического роста, безусловно, имеются объективно очерченные пределы, то их напрочь лишено экономическое развитие, которое в современной трактовке решительно отвергает морально устаревшую теорию «нулевого роста» в долгосрочном периоде и способно сделать социально-экологически-экономический прогресс нашей страны поистине безграничным.

Литература

1. Агур И., Капели Д., Сандри Д. Денежно-кредитная экспансия и инфляционные риски (оценка МВФ). Послесловие редакции // Экономист. 2021. № 10. С. 86–88.
2. Алферова Т.В. Становление концепции устойчивого развития: региональный аспект // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2021. № 1. С. 252–263.
3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Система производственных отношений и социально-экономическое неравенство: диалектика взаимосвязи // Вопросы политической экономии. 2018. № 1. С. 10–34.
4. Веклич О.А., Шлапак Н.Ю. Экологически скорректированный ВВП как показатель реального экономического развития // Проблемы прогнозирования. 2012. № 3. С. 48–54.
5. Григорьев Л.М., Макарова Е.А. Норма накопления и экономический рост: сдвиги после Великой рецессии // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 24–46.
6. Губанов С. Автономная рецессия, как финальная фаза системного кризиса России // Экономист. 2013. № 9. С. 3–23.
7. Губанов С. Вероятна ли мировая рецессия–2012? // Экономист. 2012. № 1. С. 3–10.
8. Губанов С. Императив общегосударственных интересов // Экономист. 2009. № 4. С. 3–8.
9. Губанов С. Системный кризис и выбор пути развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2. С. 23–41.
10. Дасковский В., Киселев В. Нисходящая траектория экономики: причины и последствия // Экономист. 2016. № 3. С. 3–18.

11. Дасковский В., Киселев В. Состояние экономики и его адекватное измерение // Экономист. 2015. № 11. С. 3–24.
12. Капканщиков С.Г. Избыточное подоходное расслоение россиян как угроза экономическому росту и социальной безопасности // Общество и экономика. 2023. № 1. С. 37–62.
13. Королев П.Ю. Сырьевой экспорт России: тиски, проклятие или осознанная необходимость? // Ученые записки Санкт-Петербургского им В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2016. № 4. С. 70–75.
14. Коротченков А., Шаповалов В., Виноградов Д. Россия: от экономического роста к устойчивому развитию // Известия ДВФУ. 2017. № 1. С. 89–101.
15. Краснокутский П.А., Змияк С.С., Яровая Н.С. Концепция инклюзивного роста: новые возможности или осознанная необходимость? // Теоретическая экономика. 2018. № 6. С. 77–86.
16. Кубишин Е.С., Седлов А.П., Соболева И.В. Бедность в России: методология измерения и международные сравнения // Вестник ИЭ РАН. 2021. № 1. С. 56–70.
17. Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 4–36.
18. Куранов Г. О некоторых характеристиках качества экономического роста // Экономист. 2019. № 11. С. 30–49.
19. Мантуров Д.В. Устойчивый экономический рост: аспекты гармонизации промышленной и экологической политики // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 4. С. 132–140.
20. Малков С., Максимов А. Глобальное развитие: моделирование и прогноз // Экономист. 2018. № 4. С. 21–30.
21. Мау В. Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018–2019 гг. // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 5–28.
22. Миронов В.В. О диагностике текущего состояния российской экономики и среднесрочных перспективах ее роста // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 5–35.
23. Орлова Н., Егиев С. Структурные факторы замедления роста российской экономики // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 69–84.
24. Рязанов В. Новая экономическая политика (нэп) № 2: исторические уроки и перспективы госкапитализма в России // Экономист. 2018. № 3. С. 3–23.
25. Фальцман В.К. Об измерении экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1. С. 10–17.
26. Фальцман В.К. Россия без собственной нефти? // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 152–160.
27. Ханин Г.И. Надо ли защищать советскую экономику лукавыми цифрами? // Тетра Есopomicus. 2016. Том 14. № 1. С. 18–26.
28. Ханин Г.И., Фомин Д.А. Экономический кризис 2010-х годов в России: причины, последствия, пути выхода // Тетра Есopomicus. 2014. Том 12. № 4. С. 15–32.
29. Широков А.А. Проблемы воспроизводства в современной российской экономике // Вопросы политической экономии. 2019. № 2. С. 37–46.
30. Широков А.А. Статистика в интересах экономики и общества // Проблемы прогнозирования. 2020. № 1. С. 5–9.
31. Эпштейн Д.Б. Итоги 2017–2018 годов и о влиянии производственных отношений на производительные силы // Вопросы политической экономики. 2019. № 1. С. 108–127.

Sergey Kapkanshchikov (e-mail: kapkansv@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics,

Professor, Head of the Chair of Economics,

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

DETERMINANTS OF THE INSTABILITY OF THE RUSSIAN ECONOMIC GROWTH

Based on a detailed comparative analysis of the concepts of "economic growth" and "economic development", the article provides arguments in favor of the thesis that from the post-default period to the present day, the Russian economy demonstrates not only steadily fading average annual GDP expansion rates, but also the so-called "impoverishing growth", "growth without development". The leading characteristic of the low-quality growth is recognized as the long-term evolution of the domestic economy in the vein of the historically futile natural resource export model, which, through the mechanisms of the "Dutch disease" and regular fluctuations in global energy prices, moves in an excessively cyclical form, inevitably making the socio-economic development of the country unstable. Significant determinants of its unstable growth, carefully concealed by the methods of misleading macroeconomic statistics presented in the article, are also uncovered being the dominance of extensive factors over the intensive ones associated with increasing macroeconomic efficiency and achieving accumulation rates close to the optimum values, the socially conflicting nature of GDP growth, accompanied by the excessive income inequality, both in terms of income and property, even in the relatively favorable conditions compared to global practice, and the resource-intensive and wasteful nature of the dynamics of the national economy.

Keywords: impoverishing growth, stability of socio-economic development, economic growth, economic development, natural resources export model, extensive and intensive types of growth, socially conflicting growth, ecologically adjusted growth, misleading growth rates.

DOI: 10.31857/S020736760026052-6